

Образование как смысл человеческой жизни

Филарит ТЕРЕГУЛОВ, профессор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук

Есть темы, лежащие как бы на обочине, на «боковых тропинках» нашего повседневного профессионального интереса. Скажите: часто ли мы в нашей суетной жизни с её предельно спрессованным ритмом задумываемся о таких понятиях, как смысл бытия, беспредельная ценность мгновения, скорбное таинство смерти? У нас нет на это времени, как постоянно нет времени на стихи и могилы родителей...

И всё же, всё же перед каждым из нас рано или поздно встают эти «вечные» вопросы, потому что они «живут» в нас всегда. А сегодня, когда мы переступили мистическую черту смены века и тысячелетия, черту, которая скорее всего так и останется не познанной человечеством, а лишь с волнением пережитой, — мы невольно задумываемся над смыслом жизни, над сущностью бытия, над нашим высшим предназначением прихода в этот «прекрасный и яростный» мир.

Статья, которую мы вам предлагаем, нетехнологична, она не поможет составить рациональное, удобное всем расписание, её бесполезно читать в надежде найти зерно новой концепции школы.

Но поверьте: чтение такое необходимо всем нам хотя бы изредка. Прочтёшь, задумаешься, сделаешь короткую остановку в своём вечном неумолимом беге и... что-то коснётся души, тронет самые глубинные её струны, и ты с облегчением вздохнёшь, отряхнёшь с себя кликушеский хлам апокалипсических «прогнозов», которыми на рубеже столетий нас оглушают современные лжепророки, и в который раз светло и радостно удивишься непостижимо целесообразной гармонии окружающего нас мира...

Прочтите, пожалуйста, эту статью.

Смысл человеческой жизни... Это проблема мыслителей многих поколений. Философы, поэты, мудрецы пытались облечь это в краткую афористичную формулу, которая помогла бы добраться до сути.

Екклезиаст: «Всё суета и томление духа». «Мemento мори» — стоики. «Грань жизни и смерти» Германа Мелвилла. «Беспредельная ценность мгновения» Гёте. Несть числа этим попыткам сказать главное о главном: для чего создан человек? Для общества? Для другого человека? Для будущего? А может, для чего-то такого, что находится за пределами частной человеческой жизни, за пределами единственной и неповторимой его судьбы? А если не за её пределами, то получается, что человек живёт ради самой жизни, ради ощущения её самоценности. Но и это мало продвигает нас к пониманию сущности жизни. Значит, и умирает человек не иначе, как «ради смерти»?.. В чём здесь смысл, в чём логика? Да и может ли иметь жизнь сама по себе какой-то смысл, трагический или оптимистичный, разумный или абсурдный?

Но вот в чём дело. Несмотря на огромный разброс и богатство своих проявлений, человеческая жизнь реализует, в конце концов, одну сущность, один смысл, которые раскрываются только в контексте человечества и образовательного процесса как поступательного развития от поколения к поколению, передачи и приумножения двух программ наследования.

В передаче первой наследственной программы все мы достаточно активно участвуем в жизненном процессе, выполняем свой долг перед жизнью. Получив её от родителей, мы передаём её своим детям. С огромной очевидностью мы наблюдаем в детях своё продолжение, телесно-биологическое своё продление, а может, и бессмертие. Но даже родив детей, помогая им встать на ноги, выполнив свой долг перед ними и человечеством, мы продолжаем вопрошать: **в чём же смысл дальнейшей нашей жизни?** Почему печалимся

мы по поводу своей неотвратимой кончины?

Современный французский эколог Альберт Жакар, перекидывая мостик от бактерий к человеку, отмечает, что смерть — относительно недавнее изобретение «природы, появившееся как следствие борьбы против... смерти». «Бактерия не может знать, что такое смерть, ведь она просто делится на две, четыре части. Смерть для неё не существует. **Понятие «смерть» появилось тогда, когда двое соединились, чтобы произвести на свет третьего** (выделено мною. — *Ф.Т.*). Потому что этот третий — это и не первый, и не второй, не тот и не другой. Это новое существо. Мы позволяем себе роскошь делать что-то новое. А когда делаешь что-то новое, надо освобождать для него место. Итак, смерть — результат наличия полов. Получается парадокс: рожая детей, мы стремимся бороться со смертью, а ведь потому, что мы рожаем детей, мы неизбежно смертны» (*Лаврин А.П. Хроники Харона. М., 1993. С. 90*).

Коснувшись закономерности биологического наследования, приоткроем истоки социальной его составляющей. С образованием частично или полностью изолированных групп естественный отбор вступил в новую стадию. Вместо того чтобы действовать только на отдельные особи, он начал влиять на группы, давая одним возможность распространяться, другим гаснуть и отмирать. Повсюду, где группы организмов соревнуются за пищу, пространство, свет — за что-то важное для выживания и размножения, **межгрупповой отбор выходит на первое место по сравнению с отбором между особями в пределах групп**. Это биологическое обстоятельство имело очень важные социальные последствия. На каком-то этапе развития жизни уже нельзя было оценивать индивид только по его способности давать потомство и передавать свои гены последующему поколению. (Применительно к человеческому сообществу классик с иронией заметил: «Чтобы иметь детей, кому ума не доставало?») Гораздо более важным стало то, **что даёт индивид для выживания и способности соревноваться всей группе**. Так на авансцену выходит **познавательный компонент и социальное наследование**.

В эпоху расселения человечества успех в захвате земель зависел в значительной степени и от индивидуальной плодовитости. Но достаточно было общине прочно осесть на отвоёванной территории, как её дальнейшее развитие, способность конкурировать и выживать уже перестали зависеть от плодовитости членов общины. Ведущую роль начинали играть **люди разумные, запасливые, энергичные, обладающие духом общности**.

В исторической цепочке, возрождающей полную и истинную жизнь как череду **нескончаемой передачи по нарастающей из поколения в поколение однажды возникшей человеческой жизни**, жизнь отдельных индивидов объединяется в полноводную реку бытия Человечества. Биологический смысл отдельных жизней в том, чтобы из этой цепи бытия не выпадали отдельные звенья, тем самым не прерывали её. Вот почему вера в бессмертие не лишена смысла. Вопрос лишь в том, свойственно ли бессмертие конкретному индивиду — участнику эволюции жизни или всему человечеству? Видимо, инстинкт жизни, присущий каждому индивиду, а также набравшие инертность мышление и жажда жизни, когда детородные функции выполнены, эстафета подрастающему поколению передана, а настоящая жизнь словно только-только начинается, — всё это и приводит к мысли о малой её продолжительности, о быстротечности. И желание продлить свой век ведёт людей к поиску эликсира жизни, живой воды, философского камня и т.п. Несбыточность этого желания переливается в веру, в загробную жизнь, в множественность жизней, в реинкарнацию и т.п.

Ведь были же бессмертны до грехопадения первочеловеки Адам и Ева, находившиеся в раю! Бог, предостерегая их от искушения съесть запретный плод, сказал: «Не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть». Но запрет был нарушен, и за то, что «открылись глаза у них обоих», за то, что Адам и Ева узнали правду о себе и мире, Бог проклял их. Свой гневный монолог Господь завершил таким обращением к Адаму: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие, 3, 3–19).

В этой связи я прихожу к мысли о **самоценности познания**. Быть может, прав Платон: **идеи и мысли бессмертнее нашего сознания и будут звучать в мировом эфире, когда и следа не останется от человеческого пребывания на планете по имени Земля**. Вот почему наши дерзновения, наши попытки отнять у богов огонь, вкусить плоды с древа познания — это не прихоть человека, а великий закон жизни. Яростное стремление к постижению новых смыслов бытия существовало и будет существовать независимо от того, какое значение обретает человечество в ходе эволюции. **Даже если знание смертельно опасно для людей, и тогда жажда познания будет превозмогать страх перед этой опасностью**. Вот почему знания, мысли, идеи — сильнее смерти! **Познание истины — содержание и смысл жизни человека. Смысл бесконечный, на все времена**.

Но вот в чём парадокс бытия. При глубоком размышлении бессмертие людей, если оно было бы возможным, может стать для нас страшнее смерти. Как отмечает Н.Н. Трубников, надо просто по-иному понять смерть, поняв её гуманистическую, нравственную сущность (тоже парадокс, не правда ли?!). А для этого надо осмыслить не только «ужас смерти», но и «ужас бессмертия». Представьте на минуту, что человек обречён на вечное существование. Жизнь стала бы безысходной, бесконечной пыткой, страшнее всякого ада.

Поэтому мудрая природа позаботилась о вечном движении жизни, замкнув её круг. Позаботилась природа и о том, чтобы жизнь продолжалась вечно, чтобы каждый из нас нёс бремя жизни. Природа наделила все живые существа чувством опасности, как напоминанием о возможной гибели. Страх смерти позволяет всему живому выжить. И если бы это знание не было навечно «встроено» в гены, то всё живое на Земле погибло бы, перестав страшиться опасности. Чувство опасности в подсознании животного и человека адекватно страху смерти. Но у человека оно осложнено приобретёнными в процессе жизни культурными навыками, опытом абстрактного мышления, развитием интуиции. Человек способен воспринимать не только прямую, непосредственную угрозу жизни, но и косвенную, отдалённую, выраженную в любой воспринимаемой им коммуникационной системе. Слова «здесь большая радиация» или «у меня в портфеле бомба» могут вызвать панический ужас, хотя сенсорная система человека ни о какой опасности при этом не сигнализирует.

В итоге **проблема смерти индивида экстраполирует на проблему смерти и выживаемости человечества, и нескончаемости и бессмертия познания**. Жизнь в индивидуальном бессмертии могла бы иметь смысл лишь в отношении познания. Познание объективной действительности бесконечно, пути его неисповедимы и без кооперации, общения могут завести познающего в такие научные дебри, откуда не выбраться самостоятельно. Но более правдоподобным объяснением может быть то, что мозг отдельного человека, каким бы большим и эффективным ни был, не способен в совершенстве, во всей полноте познать действительность. Поэтому и потребовались «тиражирование и кооперация мозгов» не только между современниками, по горизонтали жизни, но и по вертикали времени — **между поколениями**.

Знания субъективные должны отстояться, пройти проверку другими на объективность, проверку практикой многих людей. Поэтому природа распорядилась весьма целесообразно, предоставив учёным мужам сделать посильные открытия, дать им **вторую социальную жизнь**, а их самих с чувством выполненного долга, реализовавших своё предназначение, свой жизненный смысл, отправить в Лету, оставив их имена на скрижалях истории...

Но вернёмся к началу наших рассуждений. Заметим, что будущее для человека оказывается будущим, для других — для его потомков, а не для него самого. Будущее **для меня** — смерть. Отождествляя себя с настоящим, а наших потомков с будущим, мы разрываем-таки ткань Человечества, ибо не мыслим себя в будущем. Но так ли это? Участвуя в передаче двух наследственных программ, мы, безусловно, входим в будущее в двух ипостасях, но — в обновлённой форме. И стоит ли расстраиваться, если мы, не покладая рук, работаем для себя и сегодня, и в отдалённом будущем? Наши усилия не пропадут даром, и давайте отбросим мысли об их тщетности, несмотря на непреложный закон природы о конечности нашего земного пути.

Нет, весь я не умру —
Душа в заветной лире
Мой прах переживёт

И тленья убежит... — эти слова великий Пушкин оставил нам как **завещание оптимизма**.

А смерть... Что ж, это всего лишь сброс изношенной оболочки тела и продолжение жизни в своих детях, в которых мы продолжаем себя, передавая им с помощью образования свои мысли, дела, **свою социальную наследственную программу**. Она будет жить теперь в них — в их делах, в их помыслах, в их стремлении передать это человеческое богатство другим поколениям.

И наша печаль угасания с таким привычным, но обветшалым телом станет светла, если мы осознаем, что сумели передать детям самые лучшие свои качества, а также лучшие качества предшествующих поколений, сумели внести свой вклад в общечеловеческую сокровищницу познания. И теперь нам даётся благодать продолжить жизнь в других продолжателях, помогать им наращивать своими знаниями их познавательный потенциал. И это **восхождение к познанию себя и мира будет продолжаться бесконечно, и вечно будет продолжаться Жизнь во Вселенной**.

У нашего тела, несмотря на его брэнность, тоже большая история, и коллективный его возраст не поддаётся измерению. В этом контексте напомним, что биологическое тело человечества и тело конкретного человека едины, они совпадают. Это некое коллективное достижение является предметом и совместного «коллективного владения» (прямого — косвенного, активного — пассивного, непосредственного — опосредованного, прошедшего — настоящего — будущего). Физическое тело наших предков вбирало в себя все достижения предыдущих поколений, и тело современного человека, таким образом, несёт в себе всю предысторию телесной организации и совершенствования человечества.

А вся история его развития усилиями многих последующих поколений отразилась в социальной сфере в виде второй наследственной программы — в социальном «теле» Человечества.

Это очередное, циклически переходящее от индивида к индивиду **осознание** необходимости объединить такие две наследственные программы человечества, как целостность и тотальность, можно считать высшей точкой развития человечества на каждом временном отрезке. Попытка найти обособленное, индивидуальное «Я» вне контекста человечества, вне двух его программ наследования не удастся. «Я» лишь некоторое наращение, очередное кольцо в дереве жизни.

Самая заветная цель и самое сильное желание каждого человека в том, чтобы дать свершиться той целостности своего многосоставного существа, которую обозначают понятием личность. **Достичь уровня личности — это значит, зная о биологическом наследовании коллективного бессознательного (программе сохранения), освоить, осознать вторую социально-наследуемую программу развития и активно включиться в её обогащение**. Личность — это осознанная необходимость и высшая реализация законов жизни. Ведь никто не стремится к совершенству только потому, что ему сказали, будто это дело полезное, благоразумное. Природа ещё никогда не внимала доброжелательным советам. Освоение двух наследуемых программ неминуемо приводит к обособлению индивида от коллективного бессознательного. Это — одиночество, на которое обрекает нас природа, с этим ничего не поделаешь.

Дело в том, что как душевная, так и социальная жизнь людей на примитивной ступени — это исключительно групповая жизнь при высокой степени бессознательного индивида, так и прогресс исторического развития, по существу, есть коллективное радение и таковым, вероятно, останется. На этом фоне личностное развитие, на взгляд неискушенного человека, — непопулярное предприятие, отшельническое оригинальничанье. Поэтому неудивительно, как отмечает К. Юнг, что издавна немногие додумывались до столь странной «авантюры».

Однако две программы наследственности должны быть ассимилированы и индивидуа-

лизированы, поскольку у них нет другого способа ожить, кроме как выразить себя в отдельном индивидууме. Люди, которые не знают, не осознали двух наследственных программ, **изменяют закону человечества, упускают возможность стать личностью, утрачивая при этом смысл своей жизни.** По счастью, снисходительная, долготерпеливая и очень мудрая природа никогда не вкладывала фатальный вопрос о смысле жизни в уста большинства людей. А если никто не спрашивает, так и ответ как бы и не нужен.

Человек никогда не сможет подняться выше, если не знает, куда и как. Голос нутра, голос природы — это голос более полной жизни, более полного и объёмного сознания, потребность в формировании богатства своего внутреннего мира — та «экстремальная площадка», которую создаёт человек для актуализации и объединения двух наследственных программ в целостность, в тотальность. Недаром ведь становление личности равнозначно приращению сознания, созвучно с просветлением жизни. Широкое сознание способно воспринять внутренний голос целого, т.е. народа, к которому принадлежит каждый, и даже человечества, частью которого мы являемся, или Природы, с которой мы взаимодействуем.

В общем, только сладостью познания и кажущейся (а может быть, и реальной) невозможностью передать последующим поколениям **всю полноту и прелесть нашего познавательного опыта, переживаний, ярких субъективных эмоций** можно объяснить, почему мы более всего дорожим личным бессмертием. Нас завораживают запах травы, греющий кожу солнечный луч, шелест листвы, вкус икры и брызги шампанского, упругость земли под ногою и другие простые, земные и плотские ощущения, которые очень трудно, а то и невозможно полностью передать последующим поколениям. Даже эстетическое наслаждение искусством связано с нашими сенсорными ощущениями. Мы обладаем двумя взаимосвязанными уровнями отражения действительности: сенсорикой и интеллектом. Если первая связана с нашим телом и разбросанными в нём рецепторами и неотделима от него, то интеллект сконцентрирован в поздних отделах мозга, может быть объективирован и часть его передана в общечеловеческую сокровищницу. Как мы знаем, интеллект — более поздний продукт цивилизации, он возникает из сенсорики, и **наш внутренний протест против смерти направлен фактически против навязанной нашему телу роли кокона, сосуда, в котором вызревает бабочка интеллекта и стареет гораздо позже брэнного тела, а может быть, и не стареет никогда.**

Примирение, более того, внутренняя гармония у человека наступают тогда, когда он обретает созидательную мощь своего интеллекта, являющегося одновременно сгустком материи и носителем объективной действительности во всей её полноте. Удивительные свойства интеллекта ярко проявляются в специфических, критических, пограничных ситуациях.

Вот что рассказывает одна молодая женщина, попавшая в автомобильную аварию (монолог взят из книги: *Лаврин А.П. Хроники Харона*): «За те несколько секунд, пока мой автомобиль был в движении, я испытала ощущения, которые, показалось, охватили века. Необычайный ужас и всепоглощающий страх за свою жизнь быстро сменились ясным сознанием того, что я умру. Как это ни странно, одновременно пришло такое глубокое ощущение покоя и мира, какого я никогда раньше не испытывала. Казалось, я перемещалась с периферии своего существа — тела в самый центр моего «Я», место невозмутимого спокойствия и отдохновения... Время как бы исчезло; я наблюдала свою собственную жизнь: она проходила передо мной, как фильм, очень быстро, но поразительно подробно. Достигнув границы смерти, я как бы оказалась перед прозрачным занавесом. Движущая сила опыта влекла меня через занавес, — я была всё ещё абсолютно спокойна, — и вдруг я осознала, что это конец, а скорее — переход. Описать мои дальнейшие ощущения я могу только следующим образом: все части моего существа, чем бы я в тот момент ни была, ощущали континуум за тем, что я раньше считала смертью. Я чувствовала, что сила, направлявшая меня к смерти, а потом за её пределы, будет вечно вести меня в бесконечную даль.

Как раз в этот момент мой автомобиль врезался в грузовик. Когда он остановился, я оглянулась вокруг и поняла, что каким-то чудом осталась жива. Потом произошло нечто поразительное: сидя в груде разбитого металла, я почувствовала, что границы моей личности исчезают и я начинаю сливаться со всем окружающим — с полицейскими, обломками машины, рабочими с ломками, пытающимися меня освободить, машиной «скорой помощи», цветами на соседней клумбе, телерепортёрами. Каким-то образом я видела и чувствовала свои раны, но казалось, что они не имеют ко мне никакого отношения — они были лишь частью быстро расширяющейся системы, включавшей в себя гораздо больше, чем моё тело. Солнечный свет был необыкновенно ярким и золотым, казалось, что и весь мир сияет прекрасным светом. Я ощущала счастье и бьющуюся через край радость; несмотря на драматизм обстановки, это состояние сохранялось в течение нескольких дней в больнице. Это происшествие и связанный с ним опыт полностью изменили моё мировоззрение и понятие о существовании. Раньше я не особенно интересовалась вопросами духа и считала, что жизнь заключена между рождением и смертью. Мысль о смерти всегда меня пугала. Я верила, что «мы проходим по сцене жизни лишь однажды», а потом ничего. Попутно меня мучил страх, что я не успею осуществить в жизни всё, что хочу. Теперь я совершенно по-другому представляю мир и моё место в нём. Моё самоощущение превосходит представления о физическом теле, ограниченном рамками времени и пространства. Я знаю, что **я часть огромного безграничного творения, которое можно назвать божественным**» (выделено мной. — *Ш.Т.*).

Смерть — не противоположность жизни. Это граница стадиальности, цикличности передачи жизни. Смерть сопоставима с рождением. Она предполагает рождение, а оно в свою очередь — через определённый промежуток жизни — смерть. **Смысл придаёт живым именно её конечность, тот факт, что мы смертны.** Это мобилизует на реализацию наших возможностей. Смерть — **неизбежный срок истечения наших обязательств перед собой и остальным миром.** Как удачно заметил С.Л. Рубинштейн, смерть — это конец моих возможностей дать ещё что-то людям, позаботиться о них. В силу этого смерть превращает жизнь в обязанность, в обязательство сделать всё возможное, чтобы передать последующим поколениям две основные программы наследования, пока можно это сделать. Смерть придаёт жизни характер серьёзного, ответственного дела, срочного обязательства, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Смертность, конечность жизни во весь рост ставит проблему **качества жизни**, включающей и качество **образования подрастающего поколения.**

Таким образом, рождение человека и его смерть — крайние и ближайшие точки, между которыми располагается жизнь конкретного человека, из них соткано полотно жизни всего Человечества. Более того, рождение и смерть человека — это как вехи, как первый и последний день, между которыми жизнь индивида обретает качественную наполненность, что и позволяет определить и прояснить до конца сущность человеческого бытия как персонального освоения общечеловеческого знания, его приращение.

Чрезвычайно важным является то, что для каждого из нас открывается возможность не столько искать жизненный смысл как нечто изначально существующее, но созидать, творить, привнося тем самым смысл в жизнь. Смысл жизни — особый и более поздний феномен. Он рождается вместе со становлением сознания и образовательного процесса. Постепенное развитие этого понятия смещает сегодня центр тяжести с вопроса об изначальном смысле жизни, бесплодность которого очевидна, к вопросу о его итоговом содержании, позволяя судить и о том, срединном, промежуточном, где находимся сегодня мы и где этот вопрос не утрачивает отвлечённый смысл и обретает **всю полноту своего сущностного значения.**

Поэтому смысл человеческой жизни нужно искать не в происхождении человека, не в ретроспекции. В конце концов, не так уж важно, откуда — от обезьяны ли, от какого Адама мы идём, — но в перспекции, которая даёт представление о том, куда и к чему мы идём. Значит — в самом этом движении, в становлении, в человеческом осуществлении и ос-

мыслении жизни. Ибо как нет сущности без осуществления, так нет смысла без осмысления. **Смысл жизни в расширяющейся самореализации человека.**

Но, значит, человек всё-таки **становится** человеком. Значит, всё-таки **можно стать им**. Значит, можно и нужно искать и находить смысл нашей жизни, коль скоро человеческая история давно началась и пока ещё не закончилась. Только **осмысление меры и качества передаваемого поколениями людей двух наследуемых программ наполняет смыслом жизнь каждого человека.**

Главное, каждому из нас надо почувствовать, что я сегодняшний — есть продолжение и воплощение предыдущих поколений, которые в своё время усердно потрудились, чтобы достойным образом передать эстафету жизни мне и всем нам, и теперь в нашей власти распорядиться переданным нам богатством. Тогда-то ощущение того, что мы стоим на плечах предыдущих поколений, придаст нам гордость за участие в непрерывной цепи жизни, вызовет и огромную ответственность, которая ложится на наши плечи. **Нужно трудиться сегодня и всякий день нашей быстротечной жизни, ибо как прошлое создало настоящее, так и настоящее закладывает семена в почву будущего.**

Так может быть поставлен и так может решаться вопрос о смысле и сущности человеческого бытия и о месте образования в общечеловеческом измерении.

В современную культуру, я уверен, войдёт идея бессмертия — идея нескончаемой развивающейся жизни человечества, смены поколений, в которой каждый индивид передаёт жёсткую и консервативную биологическую наследственную информацию, наращивает вторую социально наследуемую программу. Думаю, это проясняет не только истинное понимание жизни, но и место и роль образования в ней и в судьбе каждого человека. Образование как стратегия жизни необходимо, таким образом, каждому человеку для того, чтобы обрести смысл бытия в этом мире.

г. Уфа